

Женская история российской военной цензуры периода Первой мировой войны

Ирина Алферова

Women's history of Russian military censorship during the First World War

Irina Alferova

(Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24020125, EDN: HHYEUI

Исследования Первой мировой войны переживают своеобразный бум в отечественной историографии. Авторы многочисленных публикаций осмысливают события «забытой» страницы нашей истории, используя самый разнообразный методологический инструментарий, который предлагает им современная гуманитарная наука. Появляются работы, написанные в рамках классической военной, политической, экономической истории, а также историко-антропологические изыскания, позволяющие взглянуть на происходившее с точки зрения участников этой войны, что, безусловно, способствует более эффективному постижению многомерной исторической действительности. Немалое количество современных трудов посвящено российским женщинам — как участницам военных действий, так и населению тыла¹.

Представленная статья посвящена работе женщин в годы Первой мировой войны в учреждениях военной цензуры — теме, которая только начинает привлекать внимание отечественных исследователей. Изучение процесса освоения женщинами профессий, которые до войны считались исключительно мужскими, позволяет исследователям воссоздавать причинно-следственные связи значимых гендерных трансформаций, предопределивших новые иден-

© 2024 г. И.В. Алферова

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-00900 «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)».

The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 22-28-00900 «Russian periodicals and censorship in the theater of war as indicators of socio-political attitudes and practices (1914–1917)».

¹ См.: *Щербинин П.П.* Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 3(35). С. 42–49; *Энгл Б.* Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. С. 148–178; *Васильев М.В.* Женские батальоны в Первой мировой войне. Псков, 2014; *Астахов А.Б.* Милосердие и труд: небоевые практики русских женщин в Первой мировой войне // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2021. С. 178–187; *Крестьянников Е.А.* Женщины-юристы Российской империи накануне и в условиях Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2023. № 2(78). С. 68–76; *Сердюк В.А.* «Приём на службу женщин допущен... вне всякой процентной нормы». Труд женщин на фронтовых железных дорогах Российской империи в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 3. С. 86–94; и др.

тичности, социальные роли и статусы женщин². Тема является определённым вкладом в изучение в целом малоисследованной деятельности российской военной цензуры в годы Первой мировой войны, прежде всего интерпретации специфики работы российских цензоров³.

Указ Николая II о введении военной цензуры был опубликован 20 июля 1914 г., т.е. на следующий день после объявления Германией войны Российской империи. Согласно «Временному положению о военной цензуре» она устанавливалась в полном объёме на театре военных действий, частично — на остальной территории⁴. «Правила по организации цензуры и исполнению цензуры» на Юго-Западном фронте (31 июля 1914 г.) провозглашали целью военной цензуры пресечение разглашения «в какой бы ни было форме военной тайны», недопущение «проникновения в армию и из армии в тыл сведений, которые могли бы неблагоприятно повлиять на ход дел как на театре войны, так и внутри государства, а также способствовать органам контрразведки в обнаружении преступных, в смысле шпионства и пропаганды, лиц в составе армии и населения»⁵. Для выполнения этих задач предполагалось просматривать все без исключения телеграммы, направляемые из армии в тыл и наоборот, выборочный просмотр частных писем, посылаемых в тех же направлениях, а также наблюдение за печатной продукцией, выпускаемой типографиями.

Организацией этого дела на театре военных действий должны были заниматься цензурные отделения штабов — верховного главнокомандующего, командующих фронтов и армий, а в тылу — Главная военная цензурная комиссия, местные военно-цензурные комиссии военных округов, пункты военной цензуры при почтовых и почтово-телеграфных конторах. Организационная структура военной цензуры изначально отличалась сложностью и запутанностью, подчиняясь не только военным, но и гражданским властям. Так, корреспонденции, которые направлялись в армию, должны были досматриваться в штабах армий офицерами или унтер-офицерами, состоявшими в должности цензоров. Обратные, «согласно системе полевых почтовых контор»⁶, поступали в тыловые сортировочные места, где обязанности военных цензоров возлагались на местных должностных лиц, наблюдавших за печатью, и на почтово-телеграфных чиновников⁷.

² См.: *Поршнева О.С.* Гендерный фактор политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны: методология и историография // Вестник РГГУ. Сер. Политология, история, международные отношения. 2022. № 2. С. 21–32.

³ *Батулин П.В.* Военная цензура в период Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.: проблема сущности и преемственности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. Вып. 16/3. С. 141–155; *Письма с войны 1914–1917* / Сост. А.Б. Астахов, П.А. Симмонс. М., 2015; *Алферова И.В., Блохин В.Ф.* «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3(53). С. 63–84; *Блохин В.Ф.* Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2019. № 3(61). С. 29–43; *Богомолов И.К.* Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. 2022. № 4. С. 96–117.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1914. № 192. Ст. 2057.

⁵ РГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3902, л. 39.

⁶ Полевые почтовые конторы учреждались на границе театра военных действий и внутренних территорий Российской империи, преимущественно в железнодорожных узлах, для сортировки и правильного направления почтовых отправок.

⁷ РГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3902, л. 40.

Массив почтовых отправлений, поступавший на просмотр цензорам, оказался колоссальным. Например, через Главную полевую почтовую контору в Гомеле в октябре 1914 г. в сутки проходило 150 тыс. корреспонденций⁸. По мере затягивания войны, когда на фронтах оказывались всё новые и новые волны мобилизованных комбатантов, стремившихся сообщить информацию о себе близким и получить известие от них, объём работы цензурных отделений возрастал. Позиционный характер войны и «окопный» быт также влияли на увеличение корреспонденций с фронта.

Многократно повышало объём работы цензоров и растущее число военнопленных, которые получали возможность через представительства Красного Креста пересылать вести о себе на родину. С начала войны корреспонденции военнопленных в обязательном порядке подвергались проверке в Справочном бюро о военнопленных в Петрограде, а затем пересылались непосредственно адресатам. С ноября 1914 г. в Петроград направлялись письма и телеграммы военнопленных в Германию, в Австро-Венгрию они шли через г. Унгены в Бессарабии.

Нагрузка, которую испытывали цензурные пункты почтово-телеграфных учреждений, вынуждала увеличивать штат работников, в том числе принимать на службу женщин. Так, начальник Одесского почтово-телеграфного округа распоряжением от 29 декабря 1914 г. предписал принимать женщин в почтовые учреждения на должность чиновников 5-го и 6-го разрядов. Условием их зачисления было обязательное наличие среднего (гимназического) образования и знание французского и немецкого языков⁹.

Необходимо отметить, что именно почта и телеграф стали первыми российскими государственными учреждениями, на работу в которые начали принимать женщин. С ноября 1864 г. распоряжением Александра II их допустили на телеграфную службу в Финляндии, а в феврале 1865 г. — и в других регионах страны¹⁰. Основной причиной этого стало бурное развитие телеграфа и недостаточное количество специалистов-мужчин, владеющих языками. Программы же российских женских гимназий предписывали обязательное изучение двух иностранных языков (обычно французского и немецкого), на преподавание которых отводилось большее количество часов, чем в мужских гимназиях. Именно поэтому женщины первоначально принимались на работу в цензурные пункты в качестве «переводчиц» в помощь военным цензорам-мужчинам.

Согласно приказу главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта от 31 октября 1914 г., «ввиду обилия почтовой корреспонденции на различных иностранных языках и инородческих языках, поступающей к военным цензорам», начальнику Двинского военного округа разрешалось учредить один или два центральных пункта, где просмотр корреспонденции должен был производиться цензорами при помощи переводчиков, «знающих наиболее употребительные иностранные и инородческие языки, коими пользуется насе-

⁸ Письма с войны 1914–1917. С. 51.

⁹ Миронова И. С. Военная цензура почтовой корреспонденции Одесского почтово-телеграфного округа в период Первой мировой войны // Историческая и социально-образовательная мысль. Исторические науки, этнология и археология. 2014. № 2(23). С. 56.

¹⁰ Заремский В. К. Организация работы женщин в почтово-телеграфных учреждениях Российской империи // Гісторія, філософія, філологія. Вестник МДУ імя А.А. Куляшова. 2010. № 1(35). С. 50–58.

ление края для своих почтовых сношений»¹¹. Вознаграждение переводчикам назначалось как вольнонаёмным. На основании данного приказа, к примеру, в почтово-телеграфную контору витебска были направлены вдова отставного подполковника А.И. Туревич и дочь витебского казначея Л. Норневская «с платой названным лицам по 2 руб. в сутки за время фактического исполнения обязанностей переводчиков»¹². Жалованье такого же размера получали младшие офицеры и нижние чины¹³.

Осенью 1915 г. возrastавшее количество почтовых отправлений и значительное увеличение штата служащих при военно-цензурных пунктах поставили на повестку дня вопрос о пересмотре инструкций для военных цензоров и переводчиц. Прежде всего это коснулось военно-цензурных учреждений Петрограда как главного центра почтово-телеграфной связи в стране. Председатель Петроградской военно-цензурной комиссии генерал-майор Д.П. Струков на заседании 19 декабря 1915 г. предложил «в целях более подвижной и ближайшей связи комиссии с подчинёнными» создание «особого инспекторского органа, функции которого должны быть направлены непосредственному общению с деятельностью» цензоров и переводчиц¹⁴.

Однако 12 января 1916 г. Струкова отстранили от должности по причине того, что комиссия за 18 месяцев войны «пришла в совершенно неудовлетворительное состояние». В обсуждениях членами комиссии её предшествующей работы отмечалось, что с началом войны «почему-то совершенно неосновательно отнеслись к делу военной цензуры, не с должным вниманием»¹⁵. В числе прочих претензий и обвинений в отношении бывшего председателя указывалось, что «почти всё своё время» он уделял приёму посетительниц, причём устройство на работу цензоров производил «без предварительных сношений с контрразведывательными отделениями, отчего многих приходилось увольнять, были и агенты противника»¹⁶. Генерал-майор М.А. Адабаш, назначенный исполняющим обязанности председателя комиссии, на одном из заседаний также поставил в вину Струкову, что переводчицы принимались по его личному выбору, без надлежащей проверки их благонадёжности, и могли оказаться «не теми лицами, которыми они значились по документам»¹⁷. В результате старший военный цензор при Главном почтамте получил приказ «безотлагательно проверить документы военных цензоров и переводчиц и обязать последних представить свои фотографические карточки, коих необходимо наклеить на удостоверения их личности». Предписывалось «ввести для военных цензоров и переводчиц однообразные книжки с их фотографиями, кои бы служили удостоверениями их личности»¹⁸.

На совещании членов комиссии 27 января 1916 г. высказывались и другие предложения по улучшению работы цензуры. Например, обсуждался вопрос о допущении женщин к выполнению обязанностей военных цензоров. Присутствовавшие посчитали возможным привлекать к этой деятельности прежде

¹¹ РГВИА, ф. 2019, оп. 1, д. 716, 1914 г., л. 166.

¹² Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1571, л. 28.

¹³ Там же, ф. 2019, оп. 1, д. 716, л. 230 об., 231.

¹⁴ Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1198, л. 6 об.

¹⁵ Там же, л. 22.

¹⁶ Лемке М. 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). СПб., 1920. С. 468.

¹⁷ РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1198, л. 22.

¹⁸ Там же, л. 22—22 об.

всего офицеров со знанием языков, «как это было сделано в финляндской военно-цензурной комиссии, куда зачислялись офицеры со знанием финского и шведских языков, но в случае их недостатка приглашать гражданских чиновников, а уже при отсутствии последних — испытанных и достойных переводчиц»¹⁹. При этом подчёркивалось, что «нельзя назначать женщин на самостоятельные должности, а допускать их к работе под руководством военных цензоров». По мнению Адабаша, женщин следовало допускать только «для заведывания личным составом, а также хозяйственным и бухгалтерским отделениями»²⁰.

Примечательно, что ко времени этого обсуждения женщины уже работали военными цензорами, в том числе в петроградской военной цензуре. Так, 13 мая 1915 г. цензором назначили дочь действительного статского советника М.С. Коренева²¹. Согласно приказу от 3 октября 1915 г. № 1306 по Двинскому военному округу, в г. Великие Луки цензорами направлялись чиновницы петроградских городских телеграфов Каталинская, Алексеева и Ритц²². В октябре же 1915 г. на должность цензора при Псковской почтово-телеграфной конторе утвердили Софию Зайончковскую, ранее служившую в Варшавской телеграфной конторе²³.

Из меморандумов, которые представлялись в Петроградскую военно-цензурную комиссию, можно предположить, что, считаясь официально переводчицами, женщины параллельно выполняли и обязанности цензоров или их помощниц. Так, военная переводчица Н. Гец обнаружила в письме из Швеции на имя Семёнова, проживавшего на Миллионной улице, секретный текст, содержащий сведения о кораблях в Ботническом заливе, местах нахождения мин и обозначения путей, по которым шли немецкие подводные лодки и лёгкие крейсера²⁴. Адабаш сообщал начальнику штаба Петроградского военного округа, что при просмотре означенного письма Гец «заметила, что во многих местах чернила немного расплылись и оказались другого цвета, что дало ей мысль подогреть письмо над свечкой, и тогда выступил второй текст, вписанный между строк»²⁵.

Сохранилось разбирательство по поводу меморандума переводчицы Петроградской военно-цензурной комиссии Л. Найдёновой, которая в письме на латышском языке, отправленном из Псковской губ. в Финляндию рядовому Э.И. Эгле, усмотрела предложение «о признании солдата больным или хворым за известную сумму»²⁶. При повторной проверке письма в военно-цензурном отделении штаба 6-й армии, куда его вернули, подобного указания не нашли²⁷. В другом случае переводчица I группы III отделения представила на усмотрение Петроградской военно-цензурной комиссии письмо из США рядовому, который имел право получать из-за границы только открытки²⁸. Переводчица Беренс обнаружила в карточке, направленной из Западной Пруссии воен-

¹⁹ Там же, л. 27 об.

²⁰ Там же, л. 27–28.

²¹ Там же, д. 1586, л. 143.

²² Там же, д. 1571, л. 24 об.

²³ Там же, л. 29.

²⁴ Там же, оп. 4, д. 670, л. 60.

²⁵ Там же, ф. 1343, оп. 6, д. 10, л. 274.

²⁶ Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1182, л. 73.

²⁷ Там же, л. 70.

²⁸ Там же, ф. 2048, оп. 1, д. 907, ч. 1, л. 206.

нопленному М. Домбровскому в Уфимскую губ., второй текст на латышском языке²⁹.

Мобилизация почтово-телеграфных служащих усиливала кадровый дефицит работников цензуры. Это касалось и территорий, находившихся в непосредственной близости к фронту, что в свою очередь поставило вопрос о допуске женщин к работе в местных цензурных пунктах. Так, 2 марта 1916 г. генерал-квартирмейстер штаба армий Северного фронта Н.Э. Бредов в телеграмме генерал-квартирмейстеру Штаба верховного главнокомандующего М.С. Пустовойтенко ходатайствовал о привлечении в число военных цензоров женщин и просил указаний «относительно их прав»³⁰.

В это же время генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта П.П. Лебедев направил в Главную военно-цензурную комиссию запрос, в котором интересовался возможностью привлечения лиц женского пола к работе цензорами. Председатель комиссии генерал А.И. Звонников, сославшись на повеление императора от 20 июля 1914 г. «допускать к исполнению обязанностей военных цензоров по представлению о том председателей местных военно-цензурных комиссий и с разрешения главных начальников военных округов, кроме чинов, указанных в ст. 20 “Временного положения о военной цензуре”, также и лиц, на государственной службе не состоящих», отметил, что «в означенном высочайшем повелении никакого указания относительно пола лиц... не имеется»³¹.

Председателям местных военно-цензурных комиссий, также со ссылкой на «Временное положение о военной цензуре» и с разрешения военного министра разъяснялось, что к исполнению обязанностей по военной цензуре могли привлекаться и женщины. При этом рекомендовалось, «не давая им звания военных цензоров, именовать их переводчицами при такой-то военной цензурной комиссии или помощницами военных цензоров и поручать им просмотр корреспонденции (как иностранной, так и русской) не иначе, как под руководством и ответственностью тех военных цензоров, в помощь коих они назначаются»³². Вознаграждение переводчицы должны были получать в том же размере и на тех же основаниях, как и военные цензоры. На театре военных действий главнокомандующим предоставлялось право издавать более подробные правила по поводу привлечения женщин к цензуре³³.

Получив соответствующие объяснения, Лебедев в марте 1916 г. направил рапорт в Штаб верховного главнокомандующего, в котором, ссылаясь на решения Главной военно-цензурной комиссии о допуске женщин к работе в военной цензуре во внутренних районах военных округов, просил указаний «относительно того, можно ли «распространить этот порядок и на военные округа театра военных действий»³⁴. С его точки зрения, такая мера была бы весьма желательной, учитывая, что «представление для этой цели раненых офицеров отклонено Главным штабом, что привлечение к цензуре лиц местной администрации признано нежелательным со стороны Штаба верховного главнокомандующего и что в командировании... нужного количества почтовых чиновников

²⁹ Там же, ф. 2031, оп. 4, д. 670, л. 57.

³⁰ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1488, л. 162.

³¹ Там же, л. 159–159 об.

³² Там же, л. 159 об.

³³ Там же, л. 160.

³⁴ Там же, л. 70.

сверх тех, о коих штабом фронта уже возбуждалось ходатайство, едва ли можно рассчитывать»³⁵.

В последующих запросах с Западного фронта содержались пожелания о возможности привлечения женщин к цензуре не только печати, но и переписки в том числе на фронте, так как в этом случае «подыскание соответствующих гражданских лиц для цензуры при полевых почтовых конторах, ввиду того что они передвигаются вместе с войсковыми частями и часто бывают расположены в малонаселённых местах», затруднительно³⁶.

Решая проблему нехватки кадров, начальник Штаба верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев 18 апреля 1916 г. издал приказ № 515, допускавший к работе в военной цензуре «подходящих для исполнения этих обязанностей лиц, на государственной службе не состоящих, с разрешения командующих армиями и главных начальников военных округов на театре военных действий по отношению подчинённых им районов по принадлежности»³⁷. В другом сообщении Ставки отмечалось, что к занятиям по военной цензуре могли привлекаться чины гражданской службы, имеющие соответствующее образование или «научный ценз», например, профессора, учителя и т.п.³⁸

Согласно разъяснению Ставки в мае 1916 г., женщины допускались к работе «только в случае недостатка подходящих лиц мужского пола и исключительно в местностях тылового района, находящихся в ведении главных начальников военных округов на театре военных действий»³⁹. Ещё раз подчёркивалось, что женщины не могут назначаться старшими цензорами, а их работа должна проходить под наблюдением и контролем более опытных специалистов. В циркуляре начальника штаба Северного фронта от 14 июня 1916 г. указывалось, что при назначении военных цензоров следовало принимать во внимание политическую благонадёжность, нравственные качества кандидатов, их непричастность «к каким-либо тайным, нелегальным и шпионским организациям»⁴⁰.

В июне 1916 г. вновь назначенный генерал-квартирмейстер штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Н.Н. Духонин сообщил в Ставку о том, что в Бердичеве, Житомире и местечке Казатин «вследствие недостатка интеллигентных лиц, могущих с пользой вести военно-цензурные обязанности, и большого объёма корреспонденции (в м. Казатин более ½ миллиона в сутки), в дополнение к состоящим на государственной службе военным цензорам» приняты на работу женщины-цензоры, «при весьма осторожном выборе их»⁴¹. Старшими военными цензорами они не назначались. Генерал интересовался возможностью дальнейшей работы на занимаемых должностях женщин, «с пользой несущих свои обязанности»⁴². На его сообщение пришёл ответ: «К допущению женщин в качестве военных цензоров... также и в крупных населённых пунктах, находящихся в военно-цензурном районе штаба фронта... препятствий нет, если это признаётся возможным главнокомандующими армиями фронта»⁴³.

³⁵ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1488, л. 70–70 об.

³⁶ Там же, л. 67.

³⁷ Там же, л. 161.

³⁸ Там же, л. 66.

³⁹ РГВИА. ф. 2031, оп. 1, д. 1232, л. 263 об.

⁴⁰ Там же, л. 263.

⁴¹ Там же, л. 240–241.

⁴² Там же, л. 241.

⁴³ Там же, л. 257.

Лица, в том числе и женщины, изъявившие желание работать в учреждениях военной цензуры, должны были предоставить свидетельства о своей благонадёжности, для проверки которой в соответствующие контрразведывательные отделения отправлялись запросы⁴⁴. Так, Особая Финляндская военнo-цензурная комиссия 29 ноября 1916 г. отклонила прошение Варвары Богуцкой по причине обнаружения у неё родственников в Австро-Венгрии⁴⁵.

При наличии схожих характеристик у претенденток учитывалось и их материальное обеспечение. Преимуществами, согласно приказанию, пользовались вдовы и сироты, а также другие члены семейств: «1. а) убитых в настоящую войну воинских чинов; б) воинских чинов и чиновников, эвакуированных из занятых неприятелем местностей; в) воинских чинов вообще. 2) Жены и дети воинских чинов раненых, неспособных нести службу, находящихся в плену и отставке»⁴⁶. Цензорами становились женщины, у которых на фронте находились муж, братья, племянники, или же они являлись вдовами военнослужащих. Помимо обязательных пунктов «образование» и «знание языков» присутствовал и вопрос «отношение к войне».

Большая часть претенденток имела гимназическое образование, некоторые были выпускницами Высших женских курсов и Смольного института, встречались и «свободные художники». В качестве иностранных языков чаще всего указывались немецкий, французский, реже польский и английский. Присутствовали указания на знания латышского, русинского, малорусского, датского и шведского⁴⁷.

Некоторые прошения достаточно пространны и содержат объяснения причин, которые сподвигли женщин добиваться такой работы. Чаще всего это затруднительные материальные обстоятельства. Так, в прошении дочери начальника Межиречской почтово-телеграфной конторы Люблинской губ. Лидии Фёдоровны Ширяевой на имя начальника военнo-цензурного отделения Штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта сообщалось, что её семья (родители и пятеро детей) — беженцы, оказались в Ельне, где она не смогла найти «таких занятий, которые бы не роняли чести родителей и брата офицера». Получив известие от шурина, что на работу в военной цензуре принимаются женщины, она обратилась с просьбой назначить её в Казатин, надеясь, что таким образом она сможет «оказать посильную помощь своим родителям», а честно исполненный труд наполнит её жизнь «сознанием, что я не праздновала в дни защиты своей родины»⁴⁸.

В других прошениях преобладает этическая мотивация. Домашняя наставница Аустра Мартыновна Вактин, уроженка Лифляндской губ., ссылаясь на свободное время, «пожелала употребить его с возможной для нашей армии пользой, участвуя в деле, имеющем целью воспрепятствовать распространению разных слухов и сведений, могущих отрицательно повлиять на настроения и успехи славной нашей армии»⁴⁹. Вактин также претендовала на место военного цензора в Казатине.

⁴⁴ Там же, оп. 4, д. 854, л. 335.

⁴⁵ Там же, ф. 928, оп. 1, д. 13, л. 9.

⁴⁶ Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1232, л. 263–263 об.

⁴⁷ РГИА, ф. 778, оп. 1, д. 11, л. 60–157.

⁴⁸ РГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3856, л. 399.

⁴⁹ Там же, л. 579.

Особое значение имело привлечение к военной цензуре женщин в Финляндии по причине малочисленности проживавшего здесь русского населения. «Попытки привлечь в цензуру если и не офицеров, то хотя бы русских уроженцев, хотя бы на вечерние не служебные часы, кроме Выборга, также не дали ощутительных результатов»⁵⁰, — сообщал генерал-квартирмейстер Северного фронта в Штаб верховного главнокомандующего. Учителей, работавших в русских учебных заведениях, не прельщало вознаграждение в 4 марки за 3 часа работы, поскольку уроками они зарабатывали больше: «Если добавить ко всему изложенному, что цензоры в Финляндии должны знать и местные языки, и европейские, т[ак] к[ак] в настоящее время через Финляндию идёт единственный северный путь в Европу, то станут очевидными те чрезвычайные затруднения, с которыми пришлось считаться Штабу фронта»⁵¹.

Генерал-квартирмейстер Северного фронта «усердно ходатайствовал» об оставлении в военной цензуре женщин, уже допущенных в Финляндии, так как без этой работы они «будут поставлены в весьма затруднительное материальное положение». Он указывал на политическую подоплёку необходимости допуска к цензуре «русских женщин — патриотов, вдов и сирот офицеров, служивших в Финляндии, т[ак] к[ак] только широким допуском к обязанностям цензоров удалось уменьшить количество финнов-цензоров, которое по неизбежности было велико»⁵².

Полковник Д.Л. Казанцев, служивший в годы Первой мировой войны в Оперативной канцелярии в Финляндии и работавший в военной цензуре, утверждал в своих воспоминаниях, что «военные дамы» допускались к чтению солдатских писем ещё и потому, что им «лучше других была известна жизнь солдата». Мысль эта принадлежала председателю военно-цензурной комиссии подполковнику Гольмбергу в Гельсингфорсе. Однако «при выборе кандидаток было допущено много вынужденных поблажек по предоставлению мест вдовам погибших на войне офицеров, многие из которых совершенно не подходили по возрасту уже для этой цели». Эти обстоятельства вызвали большое количество претензий в отношении военной цензуры, «иногда справедливых, но исправить их было невозможно»⁵³.

В июле—октябре 1916 г. начальник штаба Северного фронта допустил женщин к выполнению обязанностей цензоров в Гельсингфорсе, Выборге, Або, Таммерфорсе, Куопио, Николайстаде, Раумо, Юрьеве, Валке, Феллине, Вейсенштейне, Везенберге, Нарве, Кронштадте, Ораниенбауме и Сестрорецке, Торнео, Улеборге и Бьёрнеборге, в ноябре — в Двинске⁵⁴. В Петроградской военно-цензурной комиссии к июлю 1916 г. работали 1538 женщин⁵⁵. При общем значительно возросшем их количестве во многих цензурных пунктах произошло и относительное увеличение их числа по отношению к мужчинам-цензорам.

Согласно приказу главного начальника Двинского военного округа генерала от инфантерии Д.П. Зуева от 30 ноября 1916 г., в цензурные пункты Ви-

⁵⁰ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1488, л. 226.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, л. 312.

⁵³ Казанцев Д.Л. Воспоминания о службе в Финляндии во время Первой мировой войны. 1914—1917. М., 2016. С. 228.

⁵⁴ РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1232, л. 264.

⁵⁵ Там же, д. 1586, л. 132—156 об.

тебска назначались 89 человек, из них 85 — женщины. В Псков направились четыре, а в Порхов — три женщины-цензора⁵⁶. Большинство женщин работали в тыловых частях военного округа. В район 5-й армии в Двинск, согласно сведениям за декабрь 1916 г., была назначена жена капитана Т. Бродучан⁵⁷. В Гельсингфорсе в этот же период работали 21 женщина и один мужчина, в Выборге — 39 женщин и четыре мужчины⁵⁸. Старшими цензорами везде числились мужчины.

Списки военных цензоров, которые составлялись по всем военным округам со второй половины 1916 г., демонстрируют довольно большую текучку кадров, что объясняется в том числе спецификой работы. Так, канцелярия по военной цензуре при Петроградском комитете по делам печати работала круглые сутки. В обязанности служащих входили приём и выдача гранок, составление «альбома исключений», наведение справок по газетам, журналам и книгам, по хранению цензурного материала. В связи с этим в январе 1917 г. Адабашу поступило ходатайство об увеличении числа персонала, так как «вследствие трудности и нервности ночного дежурства, которое является слишком продолжительным (от 24 ч[асов] до 9 ч[асов] утра) и протекает без передышки в работе, были два случая обморока с дежурными по канцелярии военными цензорами женщинами»⁵⁹.

В районе Юго-Западного фронта учительницам, принятым для просмотра писем в военную цензуру в Казатин, следовало дежурить по пять часов ежедневно в свободное от постоянной работы время⁶⁰. Особая финская военнцензурная комиссия полагала и такую нагрузку недостаточной и потому отклонила прошения Альмы Линквист и Марии Басовой, не имеющих возможности заниматься цензурированием более трёх—пяти часов в день⁶¹ (подобное случалось и в других районах).

Напряжённая многочасовая работа, а также многочисленные личные проблемы, в том числе материального плана, которые приходилось решать женщинам в условиях военного времени, не лучшим образом сказывались на качестве исполняемых ими обязанностей. Так, цензор Бродучан по ошибке вскрыла письмо, адресованное лично генералу от инфантерии В.Н. Клембовскому. В рапорте начальника штаба Петроградского военного округа от 25 октября 1916 г. приводилось следующее объяснение случившегося: «Г-жа Бродучан была сильно расстроена вследствие неприятностей с домовладельцем, который настаивает на выселении из занимаемой квартиры. Г-жа Бродучан имеет трёх малолетних детей и сестру больную, после произведённой ей операции, и эта тяжёлая обстановка также могла сильно повлиять на госпожу Бродучан»⁶².

В письмах военнслужащих часто встречались брань и угрозы в адрес военных цензоров. Авторы, зная по имевшимся на конвертах штемпелям номера и места нахождения цензоров, заявляли, «что при первой возможности постараются узнать их и сведут с ними счёты». «Письма же с угрозами производят на цензоров гнетущее впечатление, многие уже обращались ко мне с вопросами,

⁵⁶ Там же, л. 8 об.—9 об.

⁵⁷ Там же, л. 18.

⁵⁸ Там же, л. 30, 30 об.

⁵⁹ РГИА, ф. 778, оп. 1, д. 11, л. 37.

⁶⁰ РГВИА, ф. 2067, оп. 1, д. 3856, л. 408.

⁶¹ Там же, ф. 928, оп. 1, д. 13, л. 9.

⁶² Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 1489, л. 44.

как поступить в будущем», — сообщал в рапорте 28 сентября 1916 г. председателю военно-цензурной комиссии Одесского военного округа объединяющий военный цензор А.Н. Половский. Он опасался, что это обстоятельство «может неблагоприятно отразиться на работе некоторых малодушных цензоров»⁶³.

Известная «нелюбовь» к цензуре со стороны комбатантов усиливалась с увеличением числа женщин-цензоров, подпитываясь гендерными стереотипами. Так, начальник штаба 30-го армейского корпуса 17 марта 1916 г. сообщал Звонникову, что «со времени привлечения в Петроград к военной цензуре лиц женского пола в большом числе письма, адресуемые командиру и чинам корпуса, вскрываемые военным цензорами, стали приходить с опозданием на 10–12 дней по сравнению с теми письмами, которые не вскрываются военной цензурой»⁶⁴.

Весной 1917 г., когда на фронтах распространился слух об отмене военной цензуры, её неприятие выливалось в открытые конфликты, при этом пострадавшей стороной могли становиться женщины-цензоры. Сохранилось донесение во Временное правительство от старшего цензора военно-цензурного пункта в Порхове от 18 марта, где он сообщал, что писарь 63-го пехотного запасного полка Данилов при встрече на улице с цензорами Ивановой, Красноумовой и Буруновой «нанёс им оскорбления». В результате цензоры отказались ходить на службу «впредь до ограждения их от подобных оскорблений, а в будущем, может быть, и избиений»⁶⁵.

Конфликт получил развитие. Местный гарнизонный Совет солдатских и офицерских депутатов потребовал от старшего военного цензора Порховской почтово-телеграфной конторы объяснения по следующим вопросам: «На основании чьих и каких распоряжений восстановлена в настоящее время цензура корреспонденций, чем руководствуется цензура при своей работе, характер цензуры, какой личный состав и т.п.»⁶⁶. Для контроля за деятельностью цензурного пункта и в помощь цензорам почтово-телеграфной конторы Совет командировал в их распоряжение двоих офицеров и четверых солдат, которых предлагалось ознакомить со всеми инструкциями и циркулярами, относившимися к производству цензуры. При этом комитет выразил желание «о постепенной замене, по мере ознакомления воинских чинов с работою всех цензоров, офицерами и солдатами из числа эвакуированных и непригодных к строю»⁶⁷.

На основании сохранившихся ежемесячных отчётов отдельных военно-цензурных пунктов можно утверждать, что некоторые женщины продолжали работу вплоть до октября–ноября 1917 г.⁶⁸, т.е. до прихода к власти большевиков. Приказом народного комиссара по военным делам с 12 января 1918 г. институт военных цензоров в военных почтово-телеграфных контрольных бюро в Петрограде, Гельсингфорсе и при штабах Московского, Казанского, Омского, Туркестанского, Иркутского и Приамурского военных округов упразднялся, а число военных контролёров в военных почтово-телеграфных контроль-

⁶³ Там же, ф. 2067, оп. 1, д. 3856, л. 446–446 об.

⁶⁴ Там же, ф. 1343, оп. 6, д. 10, л. 527.

⁶⁵ Там же, ф. 2031, оп. 1, д. 1232, л. 104.

⁶⁶ Там же, л. 103.

⁶⁷ Там же, л. 108.

⁶⁸ Там же, ф. 624, оп. 1, д. 1, л. 65–93.

ных бюро в Петрограде, Гельсингфорсе и при штабах вышеуказанных военных округов сокращалось на 90%⁶⁹.

В годы Первой мировой войны героизм женщин проявлялся не только в непосредственном участии в боевых действиях, в служении сёстрами милосердия, благотворительной деятельности. Стало очевидным, что женщины способны выполнять работу, считавшуюся до этого исключительно «мужской».

Недостаток кадров заставил военное командование разрешить привлекать женщин сначала к работе в тыловых военно-цензурных пунктах, а затем и в подобных учреждениях в военных округах на театре военных действий. В военных условиях их вынуждали трудиться прежде всего материальные лишения. Работа в цензуре могла рассматриваться ими и с точки зрения выполнения патриотического долга и служения Отечеству. Женщины смогли продемонстрировать свою квалификацию, пройдя путь от «переводчицы» и «помощницы цензора» до «военного цензора», что явилось ещё одним показателем трансформаций гендерных ролей, которые происходили в Российской империи на фоне социально-политических катаклизмов.

⁶⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 254.